

Подвиг актера

Новая книга о Федоре Волкове

Когда знакомишься ближе с судьбой основателя русского театра Федора Волкова, поражаешься ее драматизму. В истории русской культуры трудно назвать еще кого-нибудь, кто бы начал в таких трудных условиях, как он, и так много успел сделать за тридцать четыре года жизни. И трудно назвать другого деятеля русской культуры, которому так долго пришлось бы дожидаться признания своих заслуг перед народом.

«Будь он иностранец, — с горечью писал Белинский, — его соотечественники давно бы истребили его жизнь, на трагедии, комедии и драмы, оперы, водевили, романы, повести, сказки, а у нас нет даже полной его биографии».

С тех пор, как были написаны эти слова, многое изменилось. За годы Советской власти появились подробные научные биографии Федора Волкова. Нет ни одного серьезного труда по истории русского театра, в котором ему не было бы отведено подобающего места. Широкую популярность приобрел роман-хроника Б. А. Горин-Горяйнова. Недавно ярославцы видели спектакль театра имени Ф. Г. Волкова по пьесе Н. М. Севера, посвященный нашему великому земляку. И все же трудно себе представить, что наступит время, когда эта тема будет по-всестоящему исчерпана.

Вот почему с интересом встре-

чено появление новой работы Н. М. Севера *).

Когда берешь эту книгу впервые, испытываешь чувство, похожее на недоверие. В самом деле, многое ли можно сказать на ста тридцати страницах небольшого формата? Ведь речь идет о целой жизни Ф. Волкова, а значит, и о создании русского национального театра.

Начинаешь читать, и от этого чувства не остается и следа. Скупые строчки текста как бы растигиваются, словно за каждым словом угадывается три, пять слов...

Н. М. Север избрал выразительную, очень емкую, но и крайне трудную для писателя форму повествования. Вся повесть слагается из отдельных сцен, каждая из которых представляет собой почти законченный рассказ со своим особым замыслом. Каждая такая сцена-рассказ до предела насыщена фактами, яркими деталями. Несмотря на то, что автор никогда не пользуется так называемыми мостиками и переходами, впечатления раздробленности не остаются, потому что в чередовании сцен есть логика мысли и чувства.

показывают комедию о царе Мак-семьяне...

А какое разнообразие типов! Славный кулачник майор Чельщев, заводчик Полушкин — отчим Федора, либеральствующий помещик Майков, солдат Пантелеев... Каждый из них только намечает подчас двумя — тремя штрихами. Но в каждом портрете схвачено что-то главное, неповторимое. И каждый образ накрепко западает в память.

Н. М. Север избрал выразительную, очень емкую, но и крайне трудную для писателя форму повествования. Вся повесть слагается из отдельных сцен, каждая из которых представляет собой почти законченный рассказ со своим особым замыслом. Каждая такая сцена-рассказ до предела насыщена фактами, яркими деталями. Несмотря на то, что автор никогда

не пользуется так называемыми мостиками и переходами, впечатления раздробленности не остаются, потому что в чередовании сцен есть логика мысли и чувства.

Вряд ли есть особых необходимости сравнивать повесть Н. М. Севера с романом Б. А. Горин-Горяйнова «Федор Волков», также выпущенным впервые Ярославским издательством в 1942 году. Но об одном хочется сказать. Н. М. Северу удалось избежать той модернизации своего героя, которая характерна для образа главного героя романа-хроники. Федор Волков у Горин-Горяйнова несет на себе какой-то отпечаток меланхолии и самоанализа, которые скорее были подошли к тургеневским героям, чем к человеку эпохи, которую проходит русский актер. И когда Волков сталкивается со своими более опытными собратьями по искусству из Европы, он идет к ним как ученик, но такой ученик, который все поверяет на свой толк и разум и который готов вступить в спор ради своих идеалов художника.

Мудрено ли, что на представления театра, организованного Волковым, идет не знать, а простой народ. Жаль только, что мы вместе с ним так и не видим ни одного спектакля Волков предстает перед нами как блестящий организатор, режиссер, даже поэт, но лишь дело доходит до сцены, автор в лучшем случае ограничивается беглым замечанием. Когда читаешь книгу неизменно чувствуешь, что какая-то большая часть жизни Федора остается за пределами книги — это жизнь его на сцене. А ведь Волковым было сыграно не менее шестидесяти ролей.

Маловероятно, чтобы этот весьма

запомнился промах был в книге случайным. Обясняется он, по-видимому, тем, что до нас почти не дошло свидетельство современников об игре Волкова, и автор то ли не захотел, то ли побоялся пойти здесь по пути художественного вымысла.

Постоянное перенесение сказанного в конец фразы, не всегда оправданное употребление устаревших слов и их форм, необычное употребление предлогов не только затрудняют чтение книги, но и создают искаженное представление о русском языке того времени.

Поступление языка является одновременно и одним из самых ярких ее достоинств, и одним из самых существенных недостатков. Он богатый, очень меткий и очень скажательный, на каждой странице встречаются подлинные находки, которые доставляют огромное удовольствие. Но сильно портят язык книги некоторые налет искусственности, которая всегда сопутствует стилизацией.

Изучая документы XVIII века, исследователь невольно подпадает под влияние того языка, которым они написаны. Но при этом надо иметь в виду, что официальный письменный язык того времени лишь в некоторой степени отражал разговорную речь и что она была гораздо ближе к языку Пушкина, например, чем к языку какого-нибудь камер-фурьера, который вел запись событий придворной жизни. Об этом красноречиво говорят дошедшие до нас народные песни.

Е. СОКОЛОВ.

3

стр.

6 января 1962 года